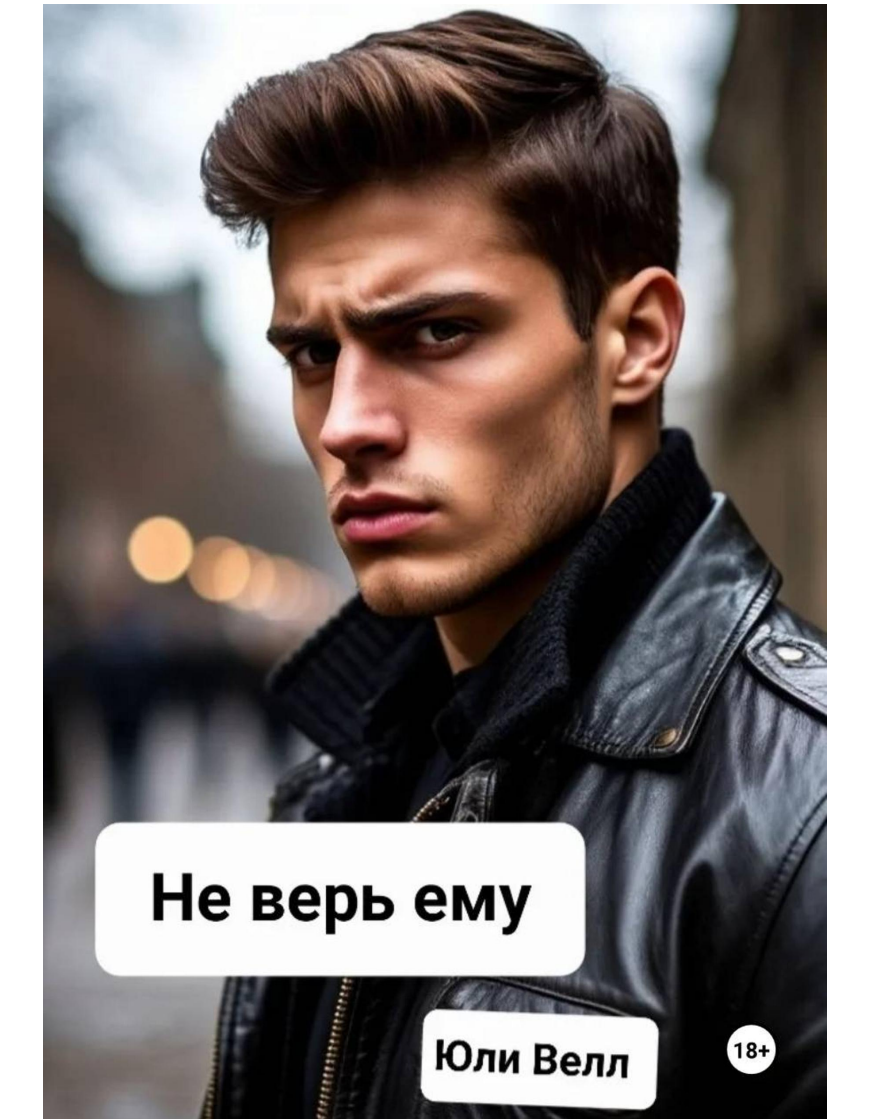

Не верь ему

Юли Велл

18+

Юли Велл

Не верь ему

<https://litres.ru/74265909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она приехала в элитный университет с одним чемоданом и надеждой. Её брат погиб при загадочных обстоятельствах, и Даша Кузнецова готова на всё, чтобы узнать правду. Она не знает, что главный человек в этом университете, Дэн Терехов. Его клуб — место, где богатые мальчики платят за запретные удовольствия. И Даша становится его жертвой. Он ломает её, шантажирует. Он заставляет её быть с ним. Но в этом аду рождается не только ненависть. Она чувствует к нему то, что невозможно контролировать. Он влюбляется в неё, теряя контроль над своей жизнью. Сможет ли она простить того, кто разрушил её мир? И есть ли шанс на счастье у того, кто начал с предательства? Остросюжетный, эмоциональный роман о боли и страсти, о том, что даже из самой тёмной тени можно найти путь к свету.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юли Велл

Не верь ему

Глава 1

Глава 1. Императорский Столичный

Я ехала в этот университет полтора часа на двух маршрутках и одном автобусе, который пах потом и жареной картошкой. Мои вещи поместились в один старый чемодан на колёсиках – мама замотала его скотчем в трёх местах, чтобы не развалился. Папка с документами лежала у меня на коленях. Я держала её как бомбу. Если бы я потеряла документы, обратной дороги не было бы.

– Даша, может, не надо?

Мамин голос всё ещё звучал у меня в голове. Она стояла на пороге нашей квартиры, кутаясь в старый халат, и смотрела на меня так, будто я уйду на войну.

– Надо, мам.

– Тот же город. Тот же университет. Даша, я не переживу,

если...

Она не договорила. Мы обе знали, что она хотела сказать.

Если с тобой случится, то же, что с Сашей.

Саша. Мой старший брат. Умный. Красивый. Весёлый. Поступил в Императорский Столичный Университет три года назад. Все в районе говорили – выбился в люди. А через два года учебы он выпал из окна общежития на пятом этаже.

Официальная версия – самоубийство. Но Саша не был самоубийцей. Он звонил мне за неделю до смерти. Говорил странные вещи. Про какую-то игру. Про людей, которые не прощают ошибок. А потом он упал. И никто ничего не видел. Никто ничего не знал.

– Я должна, мам, – сказала я тогда. – Не ради учёбы. Ради него.

Мама заплакала. Я взяла чемодан и вышла.

Мама была мягким человеком. Очень мягким. Она не умела скандалить, не умела ругаться, не умела давать отпор. Даже с соседками, которые вечно сплетничали, она не могла поругаться. Она просто молчала, улыбалась и уходила. Она

была доброй до невозможности. Она отдавала последнее, если кто-то просил из близких. Она никогда не жаловалась. Она просто жила и делала всё, чтобы мы были счастливы.

Но мы с Сашей были не такими. Мы пошли в отца. Того самого отца, который ушёл, когда мне было пять. Я плохо помнила его, но мама иногда рассказывала. Она говорила, что он был упрямым, горячим, всегда боролся за своё. Он не умел сдаваться. Видимо, это передалось нам.

Я помню, как в школе надо мной пытались подшутить. Как одноклассники смеялись над моей одеждой, над моими старыми ботинками. Но я никогда не позволяла им унижать меня. Я смотрела им прямо в глаза и отвечала так, что они замолкали. Я не лезла в драки, но я умела постоять за себя. Я не была трусихой. Я не была мягкой.

Теперь я сидела в автобусе и смотрела в грязное окно. Город за ним менялся. Сначала панельки, гаражи, облезлые остановки. Потом вдруг пошли зелёные насаждения, кованые заборы, дорогие иномарки, аккуратные газоны, клумбы с цветами. Город становился красивее, богаче, чище. Я смотрела на этот новый мир и понимала, что моя жизнь больше не будет прежней. Я смотрела на ворота университета, которые уже виднелись вдалеке, и чувствовала, как внутри меня нарастает страх и надежда одновременно. Я не знала, что

меня ждёт там, за этими воротами.

Мы подъехали к воротам.

Я вышла из автобуса. Здесь не было ларьков с шаурмой. Не было гаражей и мусорных баков. Здесь стояли металлические ворота высотой с трехэтажный дом, а за ними – аллея из идеальных лип. Здания вдалеке сияли.

Над воротами – кованые буквы. Официальное название. Императорский Столичный Университет. Звучало как приговор.

Но студенты, которые сновали туда-сюда с кофе в руках и беззаботными лицами, называли его проще - Элитка. Место для избранных. Для тех, у кого родители владеют нефтью, газетными холдингами и, возможно, целыми странами.

А ещё для таких, как я. Кто выиграл государственную стипендию за максимальные баллы на экзаменах. Кто приехал с одним чемоданом и надеждой на лучшую жизнь.

Ну и кто не верит в самоубийство брата.

Я стояла с чемоданом, чувствуя себя дворнягой у забора питомника, и пыталась понять, куда идти. Ворота были от-

крыты, но внутри начинался лабиринт корпусов. Пахло свежей листвой и дорогим парфюмом.

– Потерялась?

Я обернулась. Девушка. Короткие розовые волосы. Татуировка на руке – веточка сакуры от запястья до локтя. Джинсы с дырками, но такие дорогие, что дырки явно стоили больше моих новых кроссовок. Она улыбалась. Не надменно, а по-человечески.

– Похоже на то, – призналась я. Чемодан жалобно скрипнул.

– Первый курс?

– Первый.

– Специальность?

– Прикладная лингвистика.

– Катя, – девушка кивнула. – Третий курс, культурология. Иди за мной, провожу до приёмной комиссии. А то тут без карты местные съедят.

– Местные? – переспросила я.

– Ага, – Катя подмигнула. – Они безобидные, если не путаться под ногами. Но ты путаться будешь. Как и все мы поначалу. Пошли.

Я пошла за ней. Чемодан гремел колёсами по идеальному асфальту.

– Откуда сама? – спросила Катя, не оборачиваясь.

– Из Заводского.

– А, знаю. Пахнет углём.

– И безнадёгой, – добавила я.

Катя усмехнулась.

Мы прошли через арку. Я впервые увидела главный двор. Фонтан с чёрной водой. Скамейки из гранита. Статуи каких-то древних ректоров. И люди. Много людей. Они сидели группами, разговаривали, смеялись. На них была одежда, которую я видела только в инстаграме, красиво и стильно. Они пили кофе.

Я вдруг почувствовала, что у меня кончился воздух.

– Что с тобой? – спросила Катя.

– Ничего, – соврала я.

– Врёшь, – сказала она спокойно. – Но ничего страшного. У всех первокурсников, как у тебя, это бывает. Ты через месяц привыкнешь. Или уйдёшь.

– Я не уйду.

– Хорошо, – Катя остановилась. – Тогда запомни. Здесь есть три типа людей. Первые – мажоры, у них всё куплено. Вторые – ботаники, они прячутся в библиотеках. Третьи – Дэн Терехов и его компания.

– Дэн?

Катя посмотрела на меня внимательно.

– Не знаешь? Дэн – тот, кто тут всем заправляет. Не официально, конечно. Старшекурсник. Его семья... – она понизила голос. – В общем, если он сказал «нет», значит нет даже у ректора. И он не любит, когда кто-то лезет не в свои дела.

У меня внутри всё похолодело. Не в свои дела. Это как

раз про меня.

– А мне чего его бояться? мне с ним делить не чего. – спросила я как можно равнодушнее.

Катя усмехнулась.

– Посмотрим.. мажоры любят смазливых первокурсниц. - новая знакомая бросила не понятный взгляд на меня.

– Пойдём, а то комиссия закроется.

Приёмная комиссия располагалась в отдельном крыле. Тяжёлые двери. Кожаные кресла в коридоре. Тишина.

Я зашла в кабинет с табличкой «Документы». За столом сидела женщина. Лет сорок. Волосы уложены в идеальный пучок. Костюм, который стоит как мамина зарплата за полгода. Она даже не подняла голову, когда я вошла.

– Ваш номер в очереди? – спросила она ледяным голосом.

– Я по записи. Кузнецова Даша.

Женщина медленно подняла глаза. Окинула меня взглядом. Её лицо не изменилось, но я почувствовала, что она по-

ставила на мне крест ещё до того, как я открыла рот.

– Документы, – сказала она таким тоном, будто я пришла за бесплатным супом.

Я достала документы из папки и положила на стол. Она пролистала бумаги. Медленно. С выражением лёгкого недовольства, будто мои аттестаты и дипломы олимпиад были чем-то неприличным, может конечно, просто устала от количества людей.

– Государственная стипендия, значит, – протянула она.

– Да.

Женщина поставила печать. Шлёпнула папкой по столу.

– Временную карту получите на выходе. Студенческий – через неделю. Форму – в пятом корпусе. Общежитие – первый этаж, комната 117. Есть вопросы?

Столько вопросов, что хоть книгу пиши. Но я сказала:

– Нет, спасибо.

– Тогда свободны.

Она отвернулась к компьютеру. Я вышла, чувствуя на спине её презрение.

В коридоре я выдохнула. Руки тряслись. Не от страха. От злости.

Временную карту мне выдали на выходе. Маленький пластик с моим фото. Кузнецова Д. А. Гуманитарный факультет. Это пропуск в другой мир.

Я пошла искать пятый корпус. И потерялась. Сразу.

Карта на стене оказалась бесполезной. Лабиринт переходов и цокольных этажей. Я стояла посреди пустого коридора с чемоданом и карточкой в руке. Чувствовала, как внутри нарастает паника.

– Тебе куда?

Я обернулась. Парень. Лет двадцать. В очках. С рюкзаком за спиной. Кроссовки обычные. Джинсы потёртые. Свой.

– В пятый корпус, за формой, – сказала я.

– Я туда же, – он улыбнулся. – Пошли вместе, а то заблуд-

дишься. Я Паша. Первый курс. Прикладная математика.

– Даша. Лингвистика.

– Тоже по стипендии?

– Тоже, – кивнула я.

– Отлично, – он усмехнулся. – Добро пожаловать в Элитку.

– Спасибо.

Мы пошли вместе. Паша оказался нормальным. Рассказывал про свою маму, которая работает в школе и откладывала деньги на репетиторов три года. Про то, как боялся не пройти. Прошёл. С трудом.

– Нас, бюджетников, здесь человек тридцать на поток, – говорил Паша, пока мы шли по стеклянному переходу. – Держимся вместе. Своя стая.

Пятый корпус оказался в самом конце кампуса. Стекло-бетонная дверь. Металлические шкафчики в коридоре. Запах новой ткани и типографской краски. Я подошла к стойке. За ней сидела женщина с короткой стрижкой и уставшими гла-

зами. Она даже не спросила моё имя. Просто взяла карточку, которую я протянула, сверила с экраном и ушла в подсобку.

Вернулась через минуту. В руках у неё был плотный пакет. Серый. С логотипом университета.

Форма. Серая юбка. Серый пиджак. Белая рубашка. Галстук. Всё новое, в прозрачных упаковках. Дорогая, ткань мягкая, приятная.

Женщина протянула пакет. А следом – лист бумаги.

Оплатите в течение месяца, – сказала она ровным голосом. – 30 000 рублей. Реквизиты внизу.

Я не поняла сначала. Подумала, что ослышалась.

Простите?

За форму, – женщина посмотрела на меня без всякого выражения. – Форма обязательная. Стоимость комплекта – 30 тысяч. Оплата в течение тридцати дней. Если не оплатите – доступ в корпуса заблокируют.

Я взяла лист. Пальцы онемели. 30 000 рублей. Это мамина зарплата за два месяца. Это моя стипендия за полгода. Это

те деньги, которых у меня нет.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то. Про то, что я по государственной линии. Про то, что мне обещали. Про то, что в договоре ничего не было про форму.

Но женщина уже отвернулась к следующему студенту.

– Идите, девушка, – бросила она через плечо. – Не задерживайте очередь.

Я вышла в коридор. Пакет с формой тянул руку вниз. Чек в кармане жёг ногу. Я прислонилась к стене и закрыла глаза.

30 тысяч. Месяц.

Как? Как Саша это сделал? Он же тоже был бедным. Тоже получил форму. Тоже должен был заплатить. Но он не говорил мне. Никогда. Не жаловался. Просто приезжал на каникулы с улыбкой и рассказывал, как тут круто.

Я отлепилась от стены и пошла к выходу. В голове крутились цифры. Посудатомойка? Ночные смены? Фриланс? Но у меня нет ноутбука, кроме старого, который включается через раз. Нет связей. Нет знакомых. Есть только месяц и пустой карман.

Добро пожаловать в Элитку, Кузнецова, – прошептала я себе под нос. – Теперь я по-настоящему ощущаю себя нищей.

Общежитие оказалось ровно таким, как обещали. Первый этаж. Комната на двоих. Стол. Две кровати. Две тумбочки. Окно во двор. Свой душ через стенку. Не плохо. Чисто, ремонт свежий.

Моя соседка сидела на кровати и читала учебник. Она была высокой и стройной, с длинными тёмными волосами, которые падали на плечи мягкими волнами. У неё было милое, приятное лицо с аккуратным носиком и пухлыми губами. Но самое красивое в ней были глаза – большие, карие.

– Привет, – сказала она, откладывая книгу. – Ты, наверное, Даша?

– Да, – ответила я, ставя чемодан у кровати. – А ты Лена?

– Она самая, – она улыбнулась, и улыбка у неё была тёплой и открытой. – Я тебя заждалась. Думала, ты потеряешься в этих коридорах.

– Почти потерялась, – призналась я.

– Ты откуда?

– Из Заводского.

– А я из Краснокамска, – она усмехнулась.

Я засмеялась. Мы посмотрели друг на друга, и я почувствовала, что мы поладим. Лена была той, с кем можно было быть собой. Она не пыталась казаться лучше или важнее. Ну хоть с соседкой повезло.

Через час я вышла во двор. Мне нужно было понять, где тут столовая, где библиотека и как вообще не сдохнуть в первую неделю. Лена разговаривала с мамой по телефону, не стала ей мешать.

И я снова потерялась на чудной территории учебного заведения.

Супер.

Корпус гуманитарных наук, крыло Б, – бормотала я, пытаясь в навигатор. – Где ты, крыло Б?

Навигатор показывал ерунду. Телефон тупил. Я тупила. И в этот момент я их заметила.

Трое. Вышли из-за угла как хищники. Плавно. С чувством собственного превосходства.

Впереди он. Скулы острые. Взгляд тёмный. Чёрная рубашка, рукава закатаны. Красивый, но так, что хочется перейти на другую сторону улицы.

За ним – парень с телефоном. Потом – огромный детина.

Они меня заметили тоже.

Главный остановился. Сказал, не оборачиваясь.

– Артур, ты видишь то же, что и я?

Артур поднял голову. Его взгляд скользнул по мне. Как сканер.

Лев хмыкнул.

– Просто девушка заблудилась.

Главный улыбнулся. Одними губами.

– В Элитке или знаешь, куда идёшь, или платишь тому,

кто знает.

Он шагнул ко мне. Встал вплотную.

– Эй. Слушай сюда.– Ты кто?

– Первокурсница.

– Это у тебя на лбу написано. Специальность?

– Прикладная лингвистика.

– Поступление? – он прищурился. – Бюджет?

Я промолчала. Он и так знал. Артур уже всё пробил.

– Кузнецова Даша. Государственная стипендия. С отличием, – прочитал Артур. – Интересно.

Меня бросило в жар. Моё имя. Моя стипендия. Они уже всё знали. За минуту.

Главный смотрел на меня. Ждал. Поддел.

– Слушай, Кузнецова. Налево, потом прямо, потом через паркинг.

Я шагнула в ту сторону.

– Стоять.

Я замерла. Сердце колотилось где-то в горле.

– Ты мне ничего не должна за навигацию?

Я повернулась. Сказала как можно спокойнее.

– Спасибо за помощь.

Он засмеялся. Коротко. Почти без звука.

– Спасибо? В Элитке платят либо деньгами, либо услугами. Что у тебя есть, Кузнецова?

Я выпрямила спину.

– Своё слово.

Артур замер. Здоровяк перестал жевать. Главный приподнял бровь. Впервые за весь разговор.

– Слово? – его голос стал тише. – Слово ничего не стоит.

– Значит, я и вам ничего и не должна.

Тишина. Птица на статуе щебетнула. Я не опускала взгляд. Внутри меня тряслось всё. Но я не показывала.

Главный сделал шаг. Очень близко. Я чувствовала его запах – кожа, металл, дорогой парфюм.

– Ты либо очень смелая, Кузнецова, – сказал он тихо. – Либо очень глупая.

– Третье, – ответила я. – Мне плевать на твои правила.

Он усмехнулся как-то хищно. Отступил на шаг.

– Добро пожаловать в Элитку, Кузнецова.

Ушёл. Не обернулся. Сказав последнее слово.

Я стояла и смотрела ему вслед. Колени дрожали. В ушах шумело. Я не знала тогда, что Макс Корсак – правая рука Дэна. Что он запомнит меня. Что они сделают мою жизнь адом.

Но я знала одно. Я здесь. Я не уйду.

Ночью, когда Лена уснула, я сидела на подоконнике и

смотрела в окно на чужой красивый двор. На коленях – форма. Рядом – чек на 30 000 рублей. Я перечитала его раз десять. Может, ошибка. Может, мне показалось.

Не показалось конечно, у Лены такой же, но ей оплатят родители.

За стеклом шёл дождь. Он стучал по стеклу, по крышам, по асфальту. Я смотрела на него и думала о брате. Он был моей опорой. Он был тем, кто всегда защищал меня. А теперь его нет. Я должна узнать правду. Я должна узнать, что случилось с ним и кто виноват в его смерти.

Я закрыла глаза и представила его лицо. Его улыбку. Его глаза. Он был таким живым. Он был таким настоящим. Я не могла поверить, что он ушёл. Я не могла поверить, что он просто так ушёл из жизни.

Я открыла глаза и посмотрела в окно. Дождь всё шёл. Он был таким же серым, как мои мысли.

– Я узнаю, Саша, – прошептала я. – Я узнаю, кто виноват в твоей смерти. Я узнаю, почему ты ушёл.

Но что я сделаю, когда я узнаю? Что я сделаю, когда я найду виновных? Ничего. Я ничего не сделаю. Я не смогу

вернуть тебя. Я не смогу наказать их. Я просто буду знать. И может быть, это знание поможет мне жить дальше. Может быть, это знание поможет мне понять, что случилось.

Я хочу знать правду. Я хочу знать, что с тобой случилось. Мне просто необходимо это. Я не могу жить в неведении. Я не могу просто забыть. Я должна знать. Даже если это разрушит меня. Даже если это сломает меня. Ради тебя. Ради себя. Ради мамы.

Мама не узнает. Я не скажу. У неё и так сердце болит после потери брата. А у меня есть ровно тридцать дней, чтобы найти эти деньги. Или меня вышвырнут отсюда быстрее, чем я узнаю, что случилось с Сашей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.